

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA



No. 3 (2) 2021



MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

Has been published since 2020

No. 3 (2) 2021

Nur-Sultan

EDITOR-IN-CHIEF:

Doctor of Historical Sciences, Professor
Shaihutdinov M. Y.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Doctor of Historical Sciences, Professor
Kushkumbayev A. K.

EDITORIAL BOARD:

Qydyráli Darhan	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Muminov A.K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Samashev Z. S.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Abuseitova M. K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Sabitov Zh. M.	PhD in Political Science (Kazakhstan)
Golden Peter B.	Dr., Professor (USA)
Kradin N.N.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Erdélyi István	Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungary)
Uzelac	PhD in History (Serbia)
Aleksandar	
Mirgaleev I. M.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Zaytsev I. V.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Petrov P.N.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Nagamine	PhD in History (Japan)
Hiroyuki	

Editorial address: 8, Kabanbay Batyr avenue, of.316, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
Tel.: (7172) 24-18-52 (ext. 316)
E-mail: medieval-history@isca.kz

Medieval History of Central Eurasia
Owner: Astana International University
Periodicity: quarterly
Circulation: 500 copies

FROM THE EDITOR

Уважаемые коллеги!

Представляю Вашему вниманию очередной номер нашего журнала, посвященного вопросам средневековой и новой истории.

В рубрике «Этногенез. Археология. Лингвистика» опубликована статья А.А. Молдахмет «История исследований средневековых городов нижнего течения Сырдарьи». В статье отмечено, что в период Средневековья выросло количество городов и населенных пунктов в этом регионе. Сегодня ученые проводят масштабные археологические изыскания, определяя места расположения средневековых памятников и их исторические названия. В числе городов, где в настоящее время активно ведутся археологические работы, можно отметить город Кышкала, о котором сохранилось немало ценной информации в средневековых письменных источниках и местных легендах.

Рубрику «История Улуса Джучи» открывает статья доктора политических наук М.Т. Лаумулина «История Центральной Азии в современной зарубежной литературе». В статье рассмотрены вопросы генезиса, формирования и развития Золотой Орды, истории Центральной Азии и Внутренней Евразии, а также актуальные проблемы домонгольской истории в лице скифов, гуннов, западных тюрок, караханидов, древних уйгур, сельджуков. Отдельные сюжеты посвящены Великому Шелковому пути и связанным с ним сюжетам – торговле жемчугом, распространению аграрных культур. В статье рассматриваются эпизоды новой и новейшей истории XX века.

В статье Р.Д. Темиргалиева «Джучи-хан – правитель Дешт-и-Кипчака» освещена деятельность старшего сына Чингисхана Джучи в последние годы его жизни. Проанализированы сложности взаимоотношений Джучи с отцом и братом. Подвергнуты критике нашедшие широкое отражение в историографии сведения Рашид-ад-Дина о демарше Джучи в период среднеазиатской кампании. Исследуются подробности завоевания монголами Дешт-и Кипчака и выдвигается версия об участии Джучи в битве на Калке. Большое внимание также уделено статусу и положению Джучи в правящей элите Монгольской империи, правомерность применения по отношению к нему ханского титула. Исследуются различные версии гибели Джучи.

В статье А. Шакиевой «Изучение истории Улуса Джучи в советской историографии» рассмотрены исследования и особенности взглядов советских и зарубежных ученых по проблеме Улуса Джучи. Основное внимание уделяется историческим, культурным и социально-экономическим аспектам наследия улуса Джучи в советской историографии. Существует традиция идеалистического изображения исторических событий,

происходивших в Улусе Джучи. В статье анализируется влияние идеологических принципов на историю Улуса Джучи в связи с обоснованием марксистско-ленинского учения в научном сообществе. Зарубежная историография Улуса Джучи неоднородна, в ней присутствуют различные течения. Статья раскрывает значимость исследовательских работ по истории Улуса Джучи в советских и зарубежных историографических работах.

Рубрику «Европейское Средневековье» открывает статья доктора исторических наук М.Е. Шайхутдинова «Формирование, взлёт и падение Каролингской империи: политические аспекты». В статье освещены важнейшие этапы становления и развития Каролингской империи. Отмечено, что сын Карла Мартелла Пипин III Короткий решил покончить с политической неопределенностью и отстранил от власти «длинноволосых» меровингских королей. Его преемник, Карл Великий, расширил пределы государства, подчинил себе Лангобардское королевство, покорил Баварию, завершил длительную войну с языческой Саксонией и создал грандиозную Империю Каролингов, которую многие историки считают «прообразом единой Европы». Людовик Благочестивый попытался реформировать Империю, но потерпел неудачу и оставил её в состоянии полной анархии. Затем Лотарь I, Людовик II Немецкий и Карл II Лысый начали так называемую «войну трех братьев», которая закончилась в 843 году полной геополитической катастрофой – подписанием Верденского договора, означавшим распад Каролингской империи.

Статья кандидата исторических наук М.В. Шлюпикова и магистра специальности экология и природопользование, аспиранта направления «Науки о Земле» (МГУ им. М.В. Ломоносова) М.М. Шлюпиковой посвящена анализу исторической концепции средневековой Франции выдающегося французского историка Фернана Броделя. В центре внимания исследователей – научные взгляды Ф. Броделя, его трактовка географического детерминизма, роли пространства, гор, морей, рек, долин, лесов, почв и методов их хозяйственного использования в социальной динамике французского общества. Проанализирована концепция создания единой Франции, двигателей этого процесса, географической ориентации объединительного центра – Парижского бассейна и его потенциальных конкурентов. Дана оценка возможным альтернативам. Авторы пришли к выводу, что в трудах Ф. Броделя проблемы взаимодействия человека и природы определяют всю его историческую концепцию, всё его видение прогресса человека и его освобождения от пут географии.

В рубрике «Рецензии» опубликована рецензия доктора политических наук Л.Р. Скаковского на труд современного британского историка Питера Франкопана «Первый крестовый поход: Зов с Востока», который был впервые опубликован в 2012 году, но в русском переводе вышел в свет лишь в 2018 году. Рецензент характеризует работу П. Франкопана как блестящее

историческое повествование, содержащее немало новых, нетрадиционных оценок событий Первого крестового похода. В рецензии отмечено, что работа П. Франкопана основана на новой интерпретации широкого круга как западных, так и восточных исторических источников. Структура книги выстроена таким образом, что автор вновь и вновь возвращается к одним и тем же историческим сюжетам, рассматривая их с различных ракурсов и обогащая их все новыми деталями. Таким образом, труд П. Франкопана вносит значительный вклад в современную медиевистику и будет востребован как специалистами, так и широким кругом читателей, интересующихся вопросами средневековой истории.

В целом, как и было обещано нами ранее, мы продолжаем последовательно расширять пространственные и временные горизонты наших научных изысканий и продолжаем знакомить Вам с наиболее яркими исследованиями в сфере всеобщей истории.

Главный редактор
Шайхутдинов М.Е.

CONTENT

EDITORS'S COLUMN.....	3
------------------------------	----------

ЭТНОГЕНЕЗ. АРХЕОЛОГИЯ. ЛИНГВИСТИКА

А.А. Молдахмет. СЫРДАРИЯНЫҢ ТӨМЕНГІ АҒЫСЫ БОЙЫНДАҒЫ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚАЛАЛАРДЫҢ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫ.....	7
---	----------

ИСТОРИЯ УЛУСА ДЖУЧИ

М.Т. Лаумулин. ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	14
---	-----------

Р.Д. Темиргалиев. ДЕШТІ ҚЫПШАҚ ХАНЫ - ЖОШЫ ХАН.....	39
--	-----------

А. Шакиева. КЕҢЕС ТАРИХНАМАСЫ: ЖОШЫ ҰЛЫСЫ ТАРИХЫ ЖАЙЫНДА.....	58
--	-----------

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

М.Е. Шайхутдинов. ФОРМИРОВАНИЕ, ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ КАРОЛИНГСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	71
--	-----------

M.V. Shlyupikov, M.M. Shlyupikova. MAN AND NATURE OF MEDIEVAL FRANCE IN HISTORICAL CONCEPT OF F. BRAUDEL.....	85
--	-----------

РЕЦЕНЗИИ

Л.Р. Скаковский. ПИТЕР ФРАНКОПАН О ЦЕЛЯХ, ПРИЧИНАХ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА ДЛЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	110
--	------------

ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М.Т.Лаумулин

главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, д.п.н., проф. Высшей школы социально-гуманитарных наук Международного университета «Астана»

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы становления и развития Золотой Орды, истории Центральной Азии и Внутренней Евразии, освещаются проблемы домонгольской истории в лице скифов, гуннов, западных тюрок, караханидов, древних уйгур, сельджуков. Отдельные сюжеты посвящены истории Великого Шелкового пути и связанным с ним сюжетам – торговле жемчугом, распространению аграрных культур. В статье рассматриваются эпизоды новой и новейшей истории XX века.

Ключевые слова: Золотая Орда, Шелковый путь, Туркестан, Бухара, Казахстан, Центральная Азия, востоковедение, тюркология, куманология, кипчаковедение, монголистика, монголоведение.

Данная статья является продолжением наших публикаций по зарубежной (в основном – западной) историографии Центральной Азии.¹ В настоящей статье использованы зарубежные издания, не вошедшие в нашу монографию.² Это в основном работы двух-трех последних лет, но цитируются и книги более раннего времени, которые не попали по каким-либо причинам в поле зрения.

Домонгольская эпоха (т.е. древняя и раннесредневековая история Центральной Евразии) связаны с такими сюжетами как гунны, западные тюрки, караханиды, древние уйгуры, сельджуки, Восточная Анатолия (будущая Турция) и Северная Индия. Монголоведение представлено

¹ Лаумулин М.Т. История Золотой Орды в мировой ориенталистике: краткий очерк // *Medieval History of Central Eurasia*. 2021, № 1. С. 51-84. его же: Обзор литературы по Центральной Азии: 2019-2020 гг. Часть I // *Казахстан-Спектр (КИСИ)*. 2021. № 1. С. 115-120. его же: История Казахского ханства в мировой историографии и источниковедении // *Актуальные вопросы истории Казахстана (преемственность и традиции казахской государственности)*. – Алматы: ИВ МОН РК, 2021. его же: Орталық Азия туралы шетел әдебиеттерінде шолу: қазақтардың ежелгі тарихы (Обзор зарубежной литературы по Центральной Азии: ранняя история казахов) // *Коғам және дауір*. 2021. № 2. Б. 110-120. его же: Обзор зарубежной литературы по Центральной Азии: 2017-2021 гг. Часть II // *Казахстан-Спектр (КИСИ)*. 2021. № 2. С. 111-120. его же: Орталық Азия бойынша тарихи әдебиеттерге шолу // *Коғам және дауір*. 2021. № 3. Б. 110-120. его же: Обзор зарубежной литературы по Центральной Азии: 2020-2021 гг. Часть III // *Казахстан-Спектр (КИСИ)*. 2021. № 3. С. 106-119. его же: Обзор зарубежной литературы по Центральной Азии: 2020-2021 гг. Часть IV // *Казахстан-Спектр (КИСИ)*. 2021. № 4. С. 106-14.

² Лаумулин М.Т. Обзор зарубежной литературы по Центральной Азии: 2010-2020 гг. Справочно-информационное издание. – Нур-Султан: КИСИ, 2020. – 579 с.

работами М.Фаверо о мировом значении и влиянии Монгольской империи и связях Золотой Орды с мамлюкским государством. Т.Олсен (ныне покойный) посвятил свою последнюю книгу роли жемчуга в Монгольской империи как средству аккумуляции богатства и важного средства трансконтинентальной торговли. Работы А. Броудбридж и Дж.Уизерфорда освещают малоизвестные эпизоды о роли женщин-правительниц в монгольской истории. Т.Мэй в своей книге рассматривает монгольскую империю как первую в истории человечества попытку глобализации.

Историю Евразии невозможно представить без такого феномена как функционирование Великого Шелкового пути. С.Баризиц сделал попытку пролить свет на причины подъема и упадка Шелкового пути. Имели место также и работы общего характера (М.Бирани, Б.Джанатана и Ф.Франчески). В некоторых монографиях затрагиваются узко специализированные сюжеты, как например, история происхождения сортов продуктовых растений, которые распространялись по маршрутам Великого Шелкового пути.

Новая история представлена детальной монографией С.Леви о значении т.н. Бухарского кризиса для истории и будущего Средней Азии, Ферганской долины и Кокандского ханства, предопределившего завоевание региона Российской империей и создание Русского Туркестана уже в XIX веке.

Данный обзор завершает советская эпоха, которая все больше становится частью пусть недавней, но уже истории. Книга советского и азербайджанского историка Дж. Гасанлы затрагивает политику Советского Союза в Синьцзяне. И.С.Савин посвятил свою работу межнациональным отношениям в Казахстане и соответствующей толерантной политике, истоки которой он видит в советском прошлом. Также казахстаника представлена монографией П.Рольберга по истории казахстанского кинематографа в советский период. И наконец, нельзя не упомянуть крупное справочно-информационное издание издательства Раутледж по современной Центральной Азии.

Домонгольская эпоха

В книге С.В.Кулланды «Скифы: язык и этногенез» под историческим и этнокультурным углом зрения рассматриваются дошедшие до нас в иноязычных передачах остатки скифского языка, вычленяется слой исконной лексики и определяется его принадлежность, отождествляются заимствования в скифском и скифские заимствования в иных языках.

Полученные сведения помогают чётко отделить скифов от соседних восточных иранцев, прежде всего сарматов, выявить их языковые контакты с различными, в том числе и неиндоевропейскими этносами, а заодно дают пищу для размышлений относительно сюжетов, выходящих за рамки скифологии, вроде проблем формирования Младшей Авесты или греческой исторической фонетики. Автором составлен глоссарий скифских слов, в

котором предлагается ряд новых этимологий скифских и общеиранских лексем.

Структура монографии логично вытекает из сформулированных задач. Основные цели исследования, заключающиеся в анализе происхождения и этнической принадлежности скифов, а также в локализации их прародины, четко определены в работе. В главе 1 «Предыстория скифов» автор, анализируя контакты индоиранцев, иранцев и восточных иранцев с носителями иных, как родственных (греческий, латинский), так и неродственных (финно-угорские, северокавказские) языков, стремится очертить пределы обитания предков скифов (= восточных иранцев), которые, по его мнению, находились не восточнее Каспийского моря и реки Урал, и уж во всяком случае, не в Центральной Азии, откуда скифскую культуру выводят многие археологи, опирающиеся, прежде всего, на ранние дендрохронологические датировки кургана Аржан I в Туве.

Глава 2 «Скифская культура и язык» занимает центральное место в монографии, как по объему, так и по содержанию. Вначале С.В. Кулланда кратко характеризует ближневосточную и античную нарративную традицию, подчеркивая, что при использовании данных любой из них необходимо проведение источниковедческого и лингвистического анализа, дающего возможность выработать адекватное представление о том, что скрывается за иноязычной передачей скифских лексем. Особое внимание автор уделяет важнейшему источнику наших сведений о скифах — труду Геродота, сохранившемуся в четырех с лишним десятках рукописей. Приводимый С.В. Кулландой очерк рукописной традиции Геродота является самым подробным и точным во всей русскоязычной литературе.

Переходя затем к рассмотрению вопроса о ранней истории скифов на основе исторических и археологических источников, автор приходит к выводу, что, теоретически, Араксом, из-за которого пришли скифы, мог быть и современный Аракс, и Волга, и Урал, и Амударья, и Сырдарья. Но, учитывая, что ближайшие родственники европейских скифов, саки, обитали в Средней Азии, первых, видимо, следует выводить из-за Волги (в широком смысле), а не из Передней Азии. В пользу этого предположения, по мнению С.В. Кулланды, свидетельствуют и археологические данные. Так, основная часть артефактов, характеризующих раннескифский культурный комплекс (парные бронзовые ножи, грибовидные застёжки, бронзовые и костяные столбики, биметаллические клевцы, или чеканы, стрелочковидные удила, зеркала с ручкой-петелькой, каменные блюда), происходит из Приаралья. Поэтому есть все основания предполагать, что носители раннескифской материальной культуры пришли на Северный Кавказ именно из этого региона.

Основную часть второй главы занимает скифский глоссарий, состоящий из более чем 130 лексем. Но главными достоинствами этого

раздела является даже не количество скифских слов само по себе, а исчерпывающая полнота привлеченной автором информации по существующим в науке гипотезам, сформулированным относительно разбираемых здесь этимонов, а также предложенные им новые этимологии.

В главе 3 «Скифская история сквозь призму языка» автор, основываясь на лингвистических данных, формулирует ряд достоверных фонетических критериев различения скифского от большинства синхронных ему иранских языков. Выявленные изоглоссы позволяют С. В. Кулланде отнести скифский к юговостоноиранским языкам. В пользу этого предположения свидетельствует и происходящее из Фанагории новое иранское (скорее всего, скифское) личное имя Аратрий, полностью совпадающее с этнонимом одного из говоривших на юго-востоноиранских языках племен, которое локализуется на границах с Индией.³

В 2016 году традиционная германская ориенталистика напомнила о своем существовании работой М.Альрама «Облик чужаков», посвященной собраниям монет гуннов и западных тюрок в Центральной Азии и Индии. Книга основана на изучении коллекций т.н. иранских гуннов и западных тюрок в ЦА и Северо-Западной Индии. Хронологически коллекции монет охватывают период с IV в.н.э. до прихода ислама в регион. В фокус группы исследователей Музея искусств в Вене во главе с автором помимо собственного собрания монет также экспонаты Бернского исторического музея и коллекции Ж.-П. Ригетти.

Автор подчеркивает, что используемые этнонимы крайне условны. Коллекции включают также монеты согдийского, бактрийского и сасанидского происхождения. Монеты проливают свет на двухсотлетнюю историю сопротивления тюрок арабскому вторжению. Ареал хождения монет включает такие современные государства как Иран, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Афганистан, Пакистан и Индия. Заслугой исследователя является несомненно сравнительный метод, применяемый к сравнению европейских монет с восточными одного и того же исторического периода.⁴

За последние годы две работы были посвящены эпохе Караханидов (по крайней мере, из тех, что стали нам доступны). Первая – это монография Дж.Эдена «Военные святые на Шелковом пути: легенды Караханидов». За основу своего исследования автор берет биографию Буграхана в соответствующих арабо-персидских источниках. В качестве интриги Эден использует синтез (соприкосновение, или столкновение) суфизма и ислама в

³ Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. – М.: Русский фонд образования и науки, 2016. – 232 с.

⁴ [Aram Michael](#). Das Antlitz des Fremden: die Münzprägung der Hunnen und Westtürken in Zentralasien und Indien. - Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2016. – 167 p.

качестве уникального момента среднеазиатской истории, тесно связанного с династией Караханидов. В целом, работа представляет собой источниковедческое исследование, с переводом, транслитерацией и факсимильным изображением рукописи, посвященной С.Буграхану.⁵

Другая работа по данному историческому сюжету – это монография Р.П.Макклери (Эдинбургский университет) «Средневековые памятники Центральной Азии: архитектура Караханидов XI-XII вв.». Макклери известен также серией работ по памятникам обширного региона от Анатолии до Китая, в т.ч. книгой «Сельджукская архитектура 1170-1220 гг.». ⁶ Это всестороннее исследование сохранившихся памятников Караханидов – важной, но недостаточно известной на Западе средневековой династии, правившей большей частью Таримского бассейна между концом X и началом XIII веков. Основанная на обширных полевых исследованиях и множестве советских и российских источников, книга помещает уцелевшие памятники в более широкий культурный контекст региона. В книгу включено много фотографий и новых планов местности, а также подробные исследования отдельных памятников и более широкой архитектурной эстетики. Эти памятники служат связующим звеном между наиболее утерянной архитектурой Саманидов и гораздо более крупными и известными памятниками Тимуридов.⁷

Исследование Д.Буркарта «Карабалгасун – город кочевников» является фактически отчетом по результатам международной (монгольско-германской-орхонской) научной археологической экспедиции 2009-2011 гг. Данная экспедиция имеет долгую предысторию. Хар-Балгас или Карабалгасун («чёрный город») — древняя столица [Уйгурского каганата](#) в VIII—IX веках, называвшаяся также Орду-балык («столичный город»). Развалины города Карабалгасун на левом берегу реки Орхон находятся к северу-западу от монастыря Эрдэнэ-Зуу, в 17 км к северо-востоку от развалин столицы [Монгольской империи](#) — [Каракорума](#).

Развалины Орду Балыка, столицы уйгурского каганата, находятся в Арахангайском аймаке, сомоне Хотонт, в долине р. Орхон. Местные жители его называют «Хар балгас». Во второй половине XIX в. Хар балгас изучали русские ученые Д. А. Клеменц, В. В. Радлов; в 1933, 1934 гг. - Д. Букинич; в 1949 г. здесь проводили исследования С. В. Киселев, Х. Пэрлээ.

По всей видимости, Орду Балык первоначально был расположен не в долине Орхона, а перенесен сюда позже. В китайской исторической хронике

⁵ [Eden Jeff](#). Warrior Saints of the Silk Road: Legends of the Qarakhanids. – Leiden, Boston: Brill, 2018. – XII+272 pp.

⁶ [McClary](#) Richard P. Rum Seljuq Architecture, 1170-1220: The Patronage of Sultans. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. – XIV+212 pp.

⁷ McClary Richard Piran. Medieval Monuments of Central Asia: Qarakhanid Architecture of the 11th And 12th Centuries. – Edinburgh, UK: Edinburgh University Press, 2020. – 344 pp.

написано: «Начало Тянь бао - в 751 году главная ставка уйгурского хана Пэй-ло перекочевала в место между горой У-тэ-цзянь (Утугэн) и рекой Хун (Орхон). Слева от того места была равнина. Справа гора У-тэ-цзянь, на севере в 600 ли река Сянь-э (Селенга)». Точно определить, когда и где был основан город, представляется довольно затруднительным, но, возможно, Орду Балык был основан девятью уйгурскими родами, откочевавшими с их родины, с р. Селенги на юг.

Судя по письменным источникам, Орду Балык был большим городом, раскинувшимся на 25 км. Здесь находился центр административного управления государством, сосредотачивались ремесленное и торговое население, пагода. Крепость-цитадель - по своим размерам самое значительное фортификационное сооружение Уйгурского каганата. Хотя его стены с течением времени значительно обвалились, их высота и в настоящее время составляет 12 м, а центральной смотровой башни городища - 14 м. При раскопках внутри городища были обнаружены остатки дворца, который можно отнести ко времени эпохи Тан (618-907 гг.). Стены крепости были укреплены башнями из сырцового кирпича. Башни находились так же и по углам крепости. Около ворот крепости, возможно, находился сад. Полученные при исследовании Орду Балык материалы подтверждают, что крепость являлась центральной ставкой уйгурского хана и была столицей всего каганата.

Это был большой город, окруженный валами, за которыми находились [пригороды](#), оросительные каналы, пашни и сады, население которого достигало 100 000 человек. Город был основан уйгурами в 745 году после свержения власти второго Тюркского каганата на месте старой ставки их правителя. Просуществовал он до 840 года, когда был разрушен при набеge енисейских кыргызов (хакасов). К юго-западу от центральной части столицы была построена крепость и [цитадель](#), стены из глины-сырца которой и ныне сохранились на высоту в 12 м, а сторожевая башня — 14 м.

Кроме этого, в городе находились остатки сооружения с пагодой, являвшейся, вероятно, культовым сооружением правящего каганского рода. Около дверей этого сооружения были установлены каменные стелы с уйгурскими, китайскими и орхоно-енисейскими надписями, посвященные уйгурским каганам. В северо-западной, западной частях Орду Балыка располагались кварталы, где проживало торговое и ремесленное население города. Сведения исторических хроник, что город был сильно разрушен кыргызами, подтвердили результаты раскопок. В Карабалгасуне был найден один из ключевых первоисточников по истории Уйгурского каганата - Карабалгасунская стела на уйгурском, китайском и согдийском языках. В ее

тексте можно прочесть историю древних уйгур от рождения их каганата до 820-х годов.⁸

Монография Эндрю Пикока «Великая империя сельджуков» посвящена истории недолго по историческим меркам просуществовавшего государства тюрок-сельджуков на обширной территории от южной части Средней Азии до Эгейского моря. К нашей истории относится вводная часть книги, где освещается происхождение и исход сельджуков с прародины. Автор относит военно-кочевую экспансию сельджуков уже не к классической тюркско-степной завоевательной политике, а к ранней мусульманской (но тюркской по этническому составу) политике. Истоки культурно-цивилизационной преемственности сельджуков исследователь предлагает искать в наследии Аббасидского халифата, чьи территории в основном и вошли в состав сельджукской империи. Хронологически автор рассматривает эпоху существования и расцвета этого образования (возникшего в Средней Азии в 965 г. в составе Огузской конфедерации) с 1040 по 1157 гг.

Расцвет сельджукской державы Пикок связывает с правлением султана Санжара (1048-1186). Его внук Сулейман и его потомки правили еще с 1081 по 1308 гг. Но империя сельджуков скатывалась к закату. Для нас важным вопросом остается степень влияния и взаимозависимости степных территорий Центральной Азии и владений тюрок в Анатолии. Приходится констатировать, что сельджуки (как затем и Османская империя) оторвались от своей тюркской прародины. Автор также касается вопроса о вассальных образованиях среди арабских бедуинов Ирака и на побережье иранского Каспия. В целом, ученый проводит параллели сельджукской империи с хорасанской и считает государство сельджуков первым в истории Среднего Востока примером синтеза тюркской, персидской и арабской (исламской) культур. А наследниками сельджукской эпохи автор предлагает считать современную Турцию, претендующую на ведущую роль в тюркском мире. Предложение, конечно, спорное, но вытекающее из логики данной монографии.⁹

Под редакцией А.Пикока и Р.Макклери в 2020 г. в рамках индологической коллекции востоковедного издательства «Брилл» вышла коллективная монография «Тюркская история и культура в Индии» (в названии работы ошибочно применяется термин «турская»). Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена появлению, истории и идентичности тюрок на территории Индостана. Авторы связывают с тюркским миром с географической точки зрения широкое пространство – Турцию, Иран и

⁸ [Dähne Burkart](#). Karabalgasun - Stadt der Nomaden: die archäologischen Ausgrabungen in der frühuigurischen Hauptstadt 2009-2011. [Deutsches Archäologisches Institut. Kommission für Archäologie Außereuropäischer Kulturen](#). – Wiesbaden : Reichert Verlag, 2017. – X+235 S.

⁹ Peacock Andrew. The Great Seljuk Empire. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. – XIII+394 pp.

Северную Индию. С хронологической точки зрения авторы относят появление тюрков началу XIII века и их цивилизационный расцвет к XVI-XVII столетиям.

Вторая часть охватывает такие сюжеты как тюркское влияние на искусство, материальную культуру, литературу и межрегиональные связи в Индии. В основу монографии положен тезис о том, что на протяжении почти всего второго тысячелетия на территории будущей Индии политически доминировали династии тюркского происхождения: газневиды, делийские султаны, великие моголы, бахмани, кутбаши и адильшахи. Они происходили из Анатолии, Средней Азии и степного пространства. Причина такого доминирования проста: как и на Ближнем Востоке, его обеспечивала военная элита, тюркские военные традиции и система военной организации.¹⁰

Монголистика. В 2018 г. проф. Мари Фаверо (Нантерский университет в Париже), известный специалист по монгольской эпохе, выпустила в Каире интересную и полезную для нас книгу «Золотая Орда и султанат мамлюков». Как следует из названия, монография посвящена истории взаимоотношений и попыток установить стратегический союз Улуса Джучи и государства мамлюков, которые примерно в это же время нанесли поражение под командованием султана Бейбарса и остановили продвижение монголов под руководством ильханов (соперников джучидов). Оба государства объединял факт общего этнического фундамента – в своей массе кипчакского. Автор считает, что альянс двух держав оказал глубокое геополитическое влияние на Ближний Восток, Русь и Центральную Азию.

На личном уровне это был союз Бейбарса (1260-1277) и хана Золотой Орды Берке (1257-1267) против ильхана Хулагу. При этом исследовательница приходит к выводу, что это был не геополитический треугольник, а скорее четырехугольник - с вовлечением Византии во главе с императором Михаилом Палеологом. Автор использует для объяснения происходившего понятие «макро-контекст». Серьезное влияние на ситуацию в Восточной Европе, Среднем и Ближнем Востоке и на Балканах оказали события на другой оконечности Евразии, где происходила неизбежная фрагментация Монгольской империи, уже неспособной контролировать наследие Чингис-хана. Еще одним историческим последствием тех событий важным для цивилизационного выбора большинства тюркских народов Центральной Евразии стала быстрая исламизация Золотой Орды в суннитской традиции, в то время как улус ильханов-хулагидов принял шиитский ислам. В заключение следует отметить широкую источниковедческую базу книги Мари Фаверо.¹¹

¹⁰ [Peacock](#) A.C.S., [McClary](#) Richard Piran (eds.). Turkish History and Culture in India: Identity, Art and Transregional Connections. – Leiden: Brill, 2020. – XVI+418 p.

¹¹ Favereau Marie. La Horde d'Or et le sultanat mamelouk. Naissance d'une alliance. – Le Caire : IFAO, 2018. – 176 p.

В 2021 году последним изданием в области монголистики стала книга проф. Мари Фаверо (Нантерский университет в Париже) «Орда – как монголы изменили мир». Автор приобрела известность благодаря своим работам в сфере изучения кочевых империй, в т.ч. монографии «Золотая Орда и султанат мамлюков» (см. выше). В своей фундаментальной монографии автор отвергает расхожий миф о том, что монгольская империя вызывает только одну реакцию – завоевание. Она настаивает своей книгой, что ее наследница Золотая Орда сыграла за три столетия своего существования не меньшую роль, чем Римская империя когда-то. Ее наследие, считает автор, ощущается до сих пор в Европе, России, Центральной Азии и на Среднем и Ближнем Востоке.

Автор исходит из того, что в течение XIII-XIV вв. Золотая Орда была центром евразийской торговли и контролировала большинство существовавших на то время торговых путей на протяжении многих тысяч километров. В Сарае сложилась талантливая каста администраторов, дипломатов и экономических организаторов, которые сумели создать эффективную систему, влиявшую на Русь, исламские территории и на другие пространства Евразии. По мнению автора, Орда была «красноречивым, амбициозным и окончательным портретом» кочевой империи, который должен был разоблачить миф об исторической периферийности государств кочевников.

Далее, М.Фаверо разрушает другой распространенный миф, который якобы восходит к Угедю: «можно завоевать империю на седле коня, но нельзя управлять ею с седла». Исследовательница считает, что Золотая Орда демонстрирует уникальный в истории пример синтеза кочевой и оседлой цивилизаций при господстве первой. Это был одновременно вызов завоеванным монголами Китаю и Ирану. Причина была в том, что наследники Джучи опирались на традиции кыпчакской степи, и это позволяло Золотой Орде сохранять свою кочевую индивидуальность, используя выгоды оседлой экономики.

Но продолжительность существования этого образования была ограничена, и она была заложена именно в степной традиции кочевых империй – контролировать и жить за счет торговых путей (то, что потом получило название «Шелкового пути»). Кроме того, джучиды, как считает автор, игнорировали традиции и обычное право местного населения. В монгольской иерархии персидские источники именуют государство джучидов как «улус» или «ханство» (а не «султанат»), что ставило Золотую Орду в ранг полноправной и суверенной империи.

Автор также разоблачает миф об «автократической, или деспотической» сущности России, унаследованной ею от Орды. Фаверо доказывает, что одной из причин падения этого государства был его не авторитарный, а совещательный характер. Это также пагубно сказалось на

экономике Орды, где доминировала распределительная («куби») система. Автор в результате приходит к парадоксальному выводу: Золотую Орду как «геополитического гиганта» погубил именно ее номадический и антиимперский характер. Она считает Орду уникальной в истории моделью, в которой переплелись дипломатия, политика и военное дело. Все это в совокупности обрекло ее на неизбежное исчезновение.¹²

Последней книгой профессора Колледжа Нью-Джерси Томаса Олсена (1940-2019) стала работа «Степь и море: жемчуг в Монгольской империи». Т.Олсен известен как автор ряда монографий, посвященных влиянию на культуру монголов и других кочевников Евразии хозяйственно-бытовой и повседневной жизни. В частности, это такие книги как «Товар и обмен в Монгольской империи: культурная история исламского текстиля» (1997), «Культура и завоевание в Монгольской Евразии» (2001), «Царская охота в евразийской истории» (2006).¹³

Последняя книга ученого состоит из двух частей. Первая часть «От моря к степи» посвящена фактору жемчуга как инструмента накопления и аккумуляции богатства. Вторая часть «Сравнение и влияние» освещает рынок жемчуга в целом в рамках континентальной торговли империи. Автор отмечает, что монголы быстро оценили значение жемчуга с ценностной, экономической, эстетической, религиозной и политической точек зрения после захвата матери хорезмшаха Мухаммеда Туркан-хатун на территории современного Туркменистана (в Хиве). Но автора интересует роль жемчуга в первую очередь как фактора «политической инвестиции». Кроме того, жемчуг играл, по его мнению, связующую роль между суровыми степными пространствами на севере империи и теплыми южными морями.

Главной заслугой Т.Олсена как исследователя является его мастерство в том, что он сумел показать, как кочевая империя овладела искусством управлять и регулировать потоки престижных товаров, в т.ч. жемчуга. Монголы сумели также овладеть искусством маркетинга на достаточно высоком уровне и создать торговые сети между индо-буддистским и мусульманским миром. Однако, критики справедливо указывают на тот факт, что торговля жемчугом ограничивалась пространством между Индией и Персидским заливом, т.е. происходила на части бывшего Шелкового пути. Кроме того, автору так и не удалось доказать, что этот вид торговли принес экономическое процветание монгольской державе. Также вызывает много

¹² Favereau Marie. The Horde: How the Mongols Changed the World. – Harvard: Harvard University Press, 2021. – 384 p.

¹³ [Allsen Thomas T.](#) Commodity and Exchange in the Mongol Empire: a cultural History of Islamic Textiles. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1997. – XV+137 pp.

Allsen Thomas T. The royal Hunt in Eurasian History. – London: [Marston Book Services](#), 2006. – 406 p.

Allsen Thomas T. Culture and Conquest in Mongol Eurasia (Cambridge Studies in Islamic Civilization). – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 262 p.

вопросов проблема соотношения морской и сухопутной торговли жемчугом. Тем не менее, данное исследование ввиду своей очевидной научной неординарности представляет заметный вклад в науку и является полезным подспорьем всем специалистам-моголоведам.¹⁴

[Broadbridge](#) Anne F. *Women and the Making of the Mongol Empire* (Cambridge Studies in Islamic Civilization). – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – XXII+320 pp.

Анна Броудбридж посвятила свою книгу неординарному сюжету из истории Монгольской империи. Исследовательница задалась вопросом о том, каков вклад женщин в создание империи. Она начинает с общеизвестного вклада в политическую карьеру матери и старшей жены Чингис-хана – Гелюн (Hö'elün) и Бурте (Börte). Со второй по пятую главу ученая изучает роль женщин, повлиявших на жизнь и карьеру Темучина. Но автор также акцентирует внимание на влиянии его дочерей и их мужей на политическую жизнь монгольской державы. Она ссылается на свидетельства очевидцев, посещавших ставку верховного кагана в период 1240-1250 гг. Важным фактором усиления влияния женщин на политику государства стало обращение царских дочерей в христианство несторианского толка. Исследовательница также связывает данный фактор с традиционной влиятельной ролью женщин в степном социуме.

А.Броудбридж на основе изучения системы семейно-родственных и политических отношений, созданных в том числе и с помощью браков дочерей Чингис-хана, вводит термин «чингизидская конфедерация». Под ней автор понимает сеть личных отношений, созданных на основе брачных союзов и скреплявших основу монгольской империи – непобедимую на тот момент армию. Большое внимание она уделяет ее ядру – императорской гвардии. Переломным моментом стало регентство Соркокты, которая противопоставляется другой влиятельной женщине – Огул-Хамиш. В контексте исследования затрагивается проблема межродовых отношений в рамках монгольской державы – джалаиридов, чобанидов, ойратов и др. На роли ойратов она останавливается более подробно. В целом работа проф. А.Броудбридж затрагивает малоизученную тему и вызывает много вопросов, на которые автор не всегда может дать ответ.

Но еще за несколько лет до появления книги А.Броудбридж данная тема затрагивалась в оригинальном исследовании Дж.Уизерфорда «Тайная история монгольских правительниц», в котором изучается вопрос о том, как дочери Чингис-хана фактически спасли его империю. Автор предполагает во введении, что неизвестный цензор, который намеренно вырезал часть «Тайной истории монголов», сделал это, чтобы скрыть монгольских женщин, которые стали слишком влиятельными. Он также предполагает, что следы

¹⁴ Allsen Thomas T. *The Steppe and the Sea: Pearls in the Mongol Empire*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019. – XXI+240 pp.

монгольских цариц косвенно фигурируют в дипломатических отчетах китайского двора, письмах в Ватикан, мусульманских анналах, армянских царских хрониках, мемуарах купцов, таких как Марко Поло, и в текстах, высеченных на камнях даосских храмов.

Уизерфорд считает, что во время своего правления Чингисхан повысил статус женщин на видных постах, особенно своих дочерей и супругов. Среди этих женщин была его дочь Алтани, которой было присвоено звание «Герой» (Баатур), дававшееся крупным деятелям Монгольской империи за успешную военную и политическую карьеру, после того, как она спасла жизнь его младшему сыну Толую. Его дочери сыграли решающую роль в дипломатии и войне Чингис-хана. Они выходили замуж за вождей могущественных племен и народов, окружавших монголов, таких как онгуды, уйгуры и ойраты, становясь дипломатическими щитами на всех направлениях, и укрепляя его союзы. Дочери Чингисхана контролировали Шелковый путь и помогали его кампаниям в Китае и Персии. Монгольские женщины оказались искусными в управлении своих территорий и сражались вместе с мужчинами во время иностранных завоеваний. После смерти Чингисхана в 1227 году его преемники быстро пренебрегли наследием хана. Его сын Угедей провел чистку в отношении своих родственниц, чтобы укрепить свою власть над кланом Борджигин, в том числе с помощью массового изнасилования четырех тысяч ойратских девушек в 1237 году, чтобы заставить Ойрата подчиниться и забрать их земли после смерти сестры Угедея Чечейген, и предположительно с организации убийства любимой дочери Чингисхана Алталун, правившей уйгурской территорией.

После смерти Угедея хатуны (царицы) непродолжительное время правили Монгольской империей. Большинство этих женщин были не дочерьми Чингисхана, а его невестками и внучками. Их способность управлять империей сделала их самыми влиятельными женщинами в этот период. Борьба за престолонаследие с родственниками-мужчинами, включая их сыновей и зятьев, привела к тому, что состав и влияние этих правительниц быстро уменьшился. Хутулун, дочь Кайду и внучка Угедея, была последней из монгольских женщин, которые обладали реальной властью и сопротивлялись мужским линиям. Когда она умерла в 1306 году, борджигинцы получили контроль над всей Монгольской империей без какого-либо сопротивления со стороны своих родственниц. Только монгольские принцессы, вышедшие замуж за королей Корё в Корее, продолжали традиции королей в небольших масштабах.

Когда потомки Чингисхана мужского пола стали пленниками или марионетками других народов, таких как аланы и кипчаки, монгольские царицы пытались спасти их из плена. Самой выдающейся была Самур. Со смертью Самур сильные монгольские царицы не исчезли из истории. Вместо этого в 1448 году родилась новая монгольская принцесса Мандухай. Позже

она вышла замуж за Мандуул-хана, который восстановил империю в Монголии. Чтобы следить за монгольским каганом Мандуулом, тюркский военачальник Бег Арслан из оазиса Хами выдал его замуж за свою дочь. Автор заключает, что цензурные сокращения (в «Тайной истории») только затруднили способность понять место монгольских цариц в истории, но не стерли его полностью. Монгольские царицы, особенно Мандухай, почитаются монгольской нацией вместе с Чингисханом.¹⁵

Тимоти Мэй (Эдинбургский университет) дебютировал в монголистике как автор книги «Монгольские завоевания в мировой истории» в 2012 г.¹⁶ Уже тогда исследователь выступил с идеей, поддержанной позднее многими другими монголоведами, что Монгольская империя стала первой в мировой истории попыткой глобализации. Но более подробно ученый вернулся к данной теме в своей книге «Монгольская империя» (2018 г.). В 13 главах своей фундаментальной работы Т.Мэй прослеживает всю историю империи Чингис-хана, включая предысторию, географию и климат Монголии, историю завоеваний и судьбу образований, появившихся в результате распада огромной империи. Автор их насчитывает четыре: империю Юань (Китай), улус Чагатай (Средняя Азия), улус Джучидов (Золотая Орда) и государство ильханов (Иран), и отдельно – собственно коренная Монголия (улус Угедея). Исследователь выступает с революционным выводом, что с распадом империи власть перешла к новой династии негингизидского происхождения – толуидов (т.н. карачу).

Эти правители были тесно связаны с Золотой Ордой и оказали влияние на становление Казанского и Астраханского ханств, Ногайской орды и Крымского ханства, а позднее – Сибирского, Узбекского и Казахского ханств. Неизбежным стало разделение улуса Чагатай, последнего оплота чингизидов, на Маверенахр и Могулистан. Исламизация всех этих временных государственных образований также была немаловажным историческим и цивилизационным фактором. Успеху многих подобных образований, по мнению автора, способствовала идеология джихада. Вершиной феномена «карачу» стало восхождение эмира Тимура в Самарканде и создание им последней величайшей империи в средневековой Евразии. Тамерлан, как считает Мэй, синтезировал монгольское наследие с исламом, и это было его величайшей заслугой наряду с популяризацией суфизма. Карачу играли роль переходного моста от чингизидов к представителям «не имперского происхождения». К этому ряду автор относит короткое правление Симеона Бекбулатовича из дома царевичей Касыма, которое позволило Ивану Грозному, как и ранее Тимуру, стать

¹⁵ [Weatherford](#) Jack. The Secret History of the Mongol Queens: How the Daughters of Genghis Khan Rescued His Empire Paperback – New York: Crown Publishers, 2011. – 336 p.

¹⁶ May Timothy. The Mongol Conquests in World History. – London: Reaktionbooks, 2012. – 319 p.

якобы преемником чингизидов. Таким образом, закат созданной Чингисханом империи был неизбежен как владения созданной им и состоящей из его потомков владений. В этом и есть суть написанной Т.Мэем книги.¹⁷

История Шелкового пути. Данную тему еще в 2017 г. задала монография австрийского историка-экономиста Стефана Баризица (старшего экономиста Австрийского национального банка) «Центральная Азия и Шелковый путь: подъем и упадок на протяжении нескольких тысячелетий». Поскольку данная книга выпала из наших предыдущих обзоров, пусть и с опозданием, но представим ее нашей академической общественности.

Автор представляет свой труд как изложение древней и средневековой экономической истории Центральной Азии в качестве неотъемлемого элемента Шелкового пути на протяжении многотысячелетней истории. Как и принято в изданиях этого устаревающего мейнстрима, основное предназначение Шелкового пути автор видит в историческое предназначение центральноазиатских номадов в обеспечении торговых, материальных и культурных контактов между Востоком и Западом. Причины упадка данного явления исследователь видит в роковом сочетании внутренних и внешних факторов. Хронологически он увязывает этот процесс с экспансией китайского и российского колониализма в XVIII-XIX вв.

В композиционном плане монография состоит из пяти частей. Первая часть носит методологический характер и содержит географический, историографический и источниковедческий материал. Вторая часть посвящена ранней истории региона: неолитическая революция; медный, бронзовый и железные века; начало противоборства кочевничества с оседлыми цивилизациями; эллинистическая эпоха; пик первой китайской экспансии на суше и в океане, китайская геополитика; Шелковый путь как мост между Римской и китайской империями; начало усиления давления со стороны степных кочевников.

Третья часть включает исключительно исторический период кочевых империй – от Тюркского каганата до Монгольской империи, а также проникновение ислама. Автор касается также роли экологического фактора, экономических реформ в процессе формирования новой версии Шелкового пути и пагубных последствий «черной смерти» (эпидемии чумы), в которой он видит основную причину упадка Шелкового пути и распада монгольской державы. В четвертой части работы С.Баризица показаны эпохи империи тимуридов и джунгарского нашествия, неумолимое наступление оседлых империй Китая и России. В этой части в форме исторических вкраплений и вставок немало сюжетов посвящено истории Казахской степи в XVIII-XIX вв. Они касаются в большей степени сползания казахских жузов в состояние экономической (а затем и политической) зависимости от России.

¹⁷ May Timothy. The Mongol Empire. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. – 442 p.

И наконец, заключительная часть книги носит теоретический характер. Оценивая историко-экономический вклад Центральной Азии в истории контактов евразийских цивилизаций, ученый видит в роли региона уникальную попытку организации взаимодействия между кочевой и оседлой цивилизациями. Данное исследование должны изучить в первую очередь специалисты в области экономической истории, а также востоковеды, нomaдологи и культурологи.¹⁸

Коллективная работа под ред. М.Биран, Б.Джанатана и Ф.Франчески «Вдоль Шелкового пути в Монгольской Евразии» обращается к широко распространенной теме о влиянии степных империй на трансконтинентальные торговые коммуникации, именуемые традиционно «Великим Шелковым путем». Данная монография, состоящая из 15 глав, является, по сути, учебным пособием для начинающих востоковедов. Книга знакомит новое поколение ученых с основными источниками китайского, арабского, персидского и западноевропейского происхождения. Работа наполнена биографиями военачальников, дипломатов, торговцев и мыслителей той эпохи. Таким образом, в качестве учебного пособия данное издание заслуживает своего внимания.¹⁹

В 2019 г. увидела свет работа Р.Шпенглера (дир-р палеоэтноботанической лаборатории Ин-та М.Планка в Йене) «Плоды песков: происхождение с Шелкового пути еды, которую вы употребляете». Книга написана на стыке истории, археологии, этнографии, палеоботаники и кулинарии. Она посвящена истории происхождения сортов продуктовых растений, чьей родиной автор считает Центральную Азию (Внутреннюю Евразию). Исследователь объясняет свой интерес к данной теме тем, что населению планеты угрожает глобальный голод. Угроза вытекает вследствие нарастания таких факторов как демографический рост населения (автор называет как критическую отметку в 9 млрд. чел.), опустынивание целых континентов, таяние ледников и нехватка гидроресурсов. В этой связи ученый считает крайне полезным исторический опыт Центральной Азии, внесшей выдающуюся роль в развитие пищевой базы человечества. Инструментом, способствовавшим распространению растений и кухни, были торговые маршруты Великого Шелкового пути. Но вместе с ними по этим путям распространялись также передовые на то время аграрные и ирригационные технологии.²⁰

¹⁸ Barisitz Stephan. Central Asia and the Silk Road: Economic Rise and Decline over Several Millennia. – Cham: Springer, 2017. – X+287 pp.

¹⁹ Biran Michal, Brack Jonathan, Fiaschetti Francesca (eds.) [Along the Silk Roads in Mongol Eurasia: Generals, Merchants, and Intellectuals.](#) – Los Angeles: University of California Press, 2020. – 360 p.

²⁰

[Spengler Robert N.](#) Fruit from the Sands: the Silk Road Origins of the Food you eat. – Oakland, California: University of California Press, 2019. – XIV+374 pp.

Новая история

Книга профессора Скотта Леви (или Ливая) «Бухарский кризис: взаимосвязанная история Центральной Азии 18-го века» была опубликована издательством Питтсбургского университета в 2020 году. Нам уже приходилось писать о работах этого ученого, посвященных истории региона, особенно по истории индийской диаспоры в Средней Азии.²¹

Проф. [С.Леви](#) специализируется на социальной и экономической истории Центральной Азии раннего современного периода. Он является автором многочисленных статей в научных журналах, а также книг о расцвете и падении Кокандского ханства; торговле и культуре в Индии и Центральной Азии; караванных путях Великого шелкового пути и многих других. Вместе с Роном Села Леви является соредактором исследования «Исламская Центральная Азия: Антология исторических источников», опубликованного издательством Индианского университета в 2010 году. В 2011 году Государственный университет штата Огайо признал Леви лучшим преподавателем, и теперь он возглавляет исторический факультет данного университета. Также [С.Леви](#) является главным редактором Оксфордской исследовательской энциклопедии по истории торговых отношений Азии.

Автор исходит из того факта, что в первой половине восемнадцатого века Бухарское ханство в Центральной Азии вошло в кризис, от которого оно так и не оправилось. Череда неудачных урожаев и голод, вызванные климатическими изменениями, спрос на региональном рынке серебра, инновации в технологии производства пороха и оружия, а также политические трансформации, произошедшие в соседних странах, нанесли серьезный урон этому государству. До сих пор причины этого кризиса объясняли тем, что регион оказался изолированным от ранних веяний начавшейся глобализации. Книга Леви опровергает это объяснение как ошибочный реликт традиционных востоковедческих исследований о регионе.

Вместо этого исследователь предлагает свой набор факторов, лежащих в основе бухарского кризиса. Некоторые из них были взаимосвязаны, а некоторые – автономные, некоторые развивались в течение длительных периодов времени, в то время как другие стали внезапным шоком, но все они соединились в начале восемнадцатого века, к несчастью для Бухарского ханства и тем, кто зависел от него. С.Леви применяет интегративную структуру анализа, применяя историю Центральную Азию к недавним большим исследованиям по ранней и современной евразийской и мировой истории.

История Ферганской долины, а именно Кокандского ханства, давно интересовала историка. На базе проведенных им исследований сначала была

²¹ Levi S.C. The Indian Diaspora in Central Asia and its Trade, 1550–1900. – Leiden: Brill, 2002. – IX+319 pp.; Levi S. C. Caravans: Indian Merchants on the Silk Road. – New York: Penguin, 2015. – 208 p.

написана [книга о Кокандском ханстве](#), а потом уже и книга о кризисе Бухарского ханства XVIII века, который предшествовал возникновению Кокандского ханства.

Известно, что регион Центральной Азии, который был в средние века центром глобальных связей, с началом современного периода оказался на задворках мира. Обычно этот упадок объясняется падением сухопутной торговли и ростом морских перевозок, особенно в Атлантическом и Индийском океанах. Но что это означало для Центральной Азии – потерял ли регион в результате этого изменения все контакты с остальным миром, или все же его связи с мировыми экономическими структурами были более глубинными? Историография, по крайней мере, на Западе долгое время утверждала первое, но Леви считает, что регион ни в коем случае не прекращал свои связи с оставшимся миром. Он твердо считает, что феномен глобализации не может быть хорошим или плохим, и всегда есть те, кто от него выигрывают в политическом, военном и экономических смыслах, и те, кто проигрывают.

Ошибочное представление о Центральной Азии как изолированном регионе частично исходит из концепции Великого шелкового пути. Вторая глава книги подробно рассматривает ее с момента образования (термин был сформулирован географом Фердинандом фон Рихтгофеном в 1877 году). Ученый считает, что со временем концепцию Шелкового пути упростили, и из-за этого некоторые из теорий о Шелковом пути неверны или даже находятся в конфликте между собой. Также Леви обращает внимание и на особенности раннего востоковедения, которое делало упор на исламский декаданс или упадок исламских сообществ, пытаясь объяснить успехи европейского империализма и колонизации исламских государств. Для Леви, который хорошо знаком с исследованиями в этой сфере, параллели между искаженным объяснением распада Османской империи и Бухарского ханства стали очевидными.

Традиционные представления о том, как европейцы стали доминировать в Индийском океане, и из-за этого связи Центральной Азии с внешним миром упали, и вкупе с исламским упадком регион самоизолировался, или даже наступил целый цивилизационный спад в Центральной Азии – неверны для понимания истории Центральной Азии в Новое время. Это объяснение упирает на тот факт, что торговля по сухопутным торговым путям, соединяющим Китай с Европой, была якобы единственной коммерческой деятельностью региона. Это синоцентрическое искажение торговой истории Центральной Азии представляет только один небольшой компонент экономики региона. Но внешняя торговля Центральной Азии никогда не была детерминирована транзитом китайских товаров в Европу. Она была намного сложнее, и для того, чтобы понять, как регион был связан со своими соседями, а также то, как эти связи менялись с

течением времени, необходимо более серьезно подходить к вопросу изучения торговой истории Центральной Азии.

Поэтому на протяжении всей книги С.Леви прилагает особые усилия, чтобы связать историю Центральной Азии с мировой историей и разными историческими периодами. Кроме истории Османской империи, он довольно подробно рассмотрел некоторые вопросы истории Китая, Индийского океана и России. Также оказалась востребована история Европы и Америки, а также работы о ранней современной военной революции и по истории глобальных климатических кризисов.

Историки по-разному характеризуют историю Центральной Азии в этот период (примерно с 1500 г. и до русской колонизации). Часто ее называют «узбекским периодом», т.к. на тот момент узбекские племена стали основной политической силой в регионе. Рассматриваемый регион включает в себя южную часть Аральского моря, северную часть Персии, северную часть Афганистана, западный Тянь-Шань, западный Синьцзян. Но упоминая о возможных проблемах с идентификацией этого периода как «узбекского», Леви предпочитает называть его периодом «ранней современности» (т.е. начало Нового времени по европейской классификации), т.к. в это время большие евразийские и даже глобальные исторические процессы формируют процессы, происходящие в Центральной Азии. Вследствие этого Центральная Азия была подвержена этим мировым изменениям.

Ослабление Бухарского ханства обычно связывают с правлением последних аштарханидов – Убайдулла-хана II (1701—1711) и Абулфейз-хана (1711—1747), которых сменила узбекская династия мангытов, основавшая Бухарский эмират, существовавший с 1785 по 1920 год. Некоторые историки относят кризис Бухарского ханства к периоду ранней современности, но Леви считает, что хотя кризис принимает наиболее серьезные обороты в первой половине XVIII в., его первые признаки становятся явными к 1640-м годам.

Основавшая Бухарское ханство династия Шейбанидов ввела систему апанажа, когда некоронованные члены королевской семьи получали часть наследственных земельных владений или денежное содержание. Автор считает, что система апанажа, которая в свою очередь лежала в основе децентрализации политической системы ханства, усугубила целый ряд других причин, которые в итоге привели к упадку государства. Система апанажа сначала привела к соперничеству среди членов ханской семьи, а потом и к явной децентрализации владений.

Помимо децентрализованной государственной структуры на кризис Бухарского ханства в некотором роде повлияли распад и падение Империи Великих Моголов, а также ослабление торговых отношений между Центральной Азией и Индией. Но даже при этом торговля Центральной Азии не была исключительно транзитной торговлей. Индийский текстиль,

перемещавшийся по среднеазиатским рынкам, безусловно, был очень важен, но это только один аспект торговой экономики Центральной Азии. Так, в это время начали расти коммерческие отношения Центральной Азии с Россией. Все возрастающее количество бухарских торговцев отправляются на север через казахские степи на российскую территорию.

Развитие и падение культур Евразии сильно зависело от климатических изменений. Кризис XVII века – это длительный период охлаждения, который стал глобальным явлением и привел к голоду и засухе в разных регионах мира. В России с 1601 по 1603 год около 2 миллиона человек погибли по всей империи. В настоящее время историю климатических изменений в Центральной Азии изучают несколько групп ученых-климатологов. Долгие суровые зимы с ранними заморозками, которые уничтожают урожай на полях, и с поздними заморозками и проливными дождями, которые затем замерзают, образуя слой льда на земле, наносят вред кочевому животноводству, лишая лошадей корма. Но этот холодный период завершается к 1730-м годам и погодные условия в регионе снова вернулись в пределы нормы. Поэтому климатический кризис скорее играл более медленный эффект, тогда как непосредственным шоковым явлением для кризиса Бухарского ханства стал монетарный кризис в XVIII веке.

С.Леви с помощью изучения трудов других авторов-экономистов обращает внимание на обесценение серебряных монет, что указывало на ослабление экономики Бухарского ханства (те монеты, в составе которых было больше серебра, говорили о здоровой экономике государства; а монеты с наименьшим количеством серебра в составе являлись показателем ослабленной экономики). В это время резко выросло население империи Цин, что заметно отразилось на торговых отношениях Центральной Азии. Население империи фактически удвоилось за первую половину XVIII-го века с примерно 160 миллионов человек до 280 миллионов человек. Спрос на серебро на китайских рынках вырос в разы, и центральноазиатское серебро стало утекать в Китай. Содержание серебра в монетах снизилось с 90 до 10 процентов, в стране разразился налогово-бюджетный кризис.

Следующий фактор, который повлиял на развитие кризиса в Бухарском ханстве, – инновации в технологии производства пороха. Хотя порох был изобретен в Китае, а первая артиллерия успешно применена турками при осаде Константинополя, пороховое оружие становится почти исключительно европейским явлением, распространенным среди европейских военных сил. В то же время мы наблюдаем медленное исчезновение преимущества кочевых армий.

В своем исследовании Леви обнаружил, что народы Центральной Азии долго сопротивлялись внедрению пороха на их территории из-за традиций ведения военных действий посредством конных войск, которые свободно чувствовали себя на открытых равнинных пастбищах, и, сидя в седле,

всадники могли прицельно стрелять по врагу из лука. Отсутствие большого количества населения в Центральной Азии создавало препятствия для создания пехоты. Конница же, напротив, умела молниеносно реагировать и отражать любой удар.

В мире переломным моментом стало изобретение кремневого мушкета, у которого было большое преимущество перед конницей, и который сухопутные армии использовали во время завоевания Центральной Азии в конце XVII и начале XVIII веков. До этого кремневый мушкет использовали в ограниченном количестве в Иране и Османской империи.

Хотя бухарское государство пыталось внедрить кремневые мушкеты в регулярный обиход, оно неожиданно столкнулось с сопротивлением со стороны узбекских племен, которые представляли собой фундаментальную и легитимную силу в регионе. В ответ государство начинает привлекать на военную службу другие, неузбекские племена, что в свою очередь, способствовало конфликтам и ускорению процессу децентрализации Центральной Азии. Все возникшие факторы в конечном счете приводят к усугублению кризиса Бухарского ханства.

В конце работы С.Леви говорит о нескольких моментах, которыми он хотел бы поделиться с читателями. Он напоминает о том, что история Центральной Азии заслуживает серьезного отношения со стороны историков, а в особенности тех исследователей, которые ведут работы в смежных областях: изучают историю Китая или России. В Центральной Азии происходило и происходит множество событий, и это делает регион очень значимым для изучения истории Евразии.²²

Советская эпоха. Исследование советского и азербайджанского историка, доктора исторических наук, профессора и политического деятеля, председателя Национального совета демократических сил, бывшего депутата парламента Азербайджана Джамиля Поладхан оглы Гасанлы посвящена относительно недавней истории соседнего с нами региона – Восточного Туркестана или Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР КНР).

Дж.Гасанлы воссоздал интересную картину советской политики вдоль южных границ в период Второй мировой войны и в первые годы холодной войны. Две монографии автора из этой серии, изданные в России²³, США, Турции и Иране, посвящены иранскому и турецкому кризисам холодной войны. Настоящая монография завершает эту серию. В ней рассмотрены явные и тайные моменты советской политики, проводившейся на протяжении почти 20 лет в западной китайской провинции Восточный Туркестан (Синьцзян). Автором обнародованы география и эпизоды

²² Levi [Scott C.](#) The Bukharan Crisis: A Connected History of 18th Century Central Asia. – Pittsburgh Press: University of Pittsburgh Press, 2020. – XII+208 pp.

²³ [Гасанлы Дж.П.](#) Синьцзян в орбите Советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане 1931-1949. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 376 с.

холодной войны на Среднем Востоке. В монографии последовательно рассмотрены такие политические вопросы, как активизация СССР в Синьцзяне в 1930-е годы, включение региона в орбиту советской политики и даже управление Восточным Туркестаном в определенные моменты. Автором вскрыты секретные стороны московской политики в отношении китайской провинции Синьцзян и доказано, что главным архитектором этой политики являлся лично Сталин.

В книге в хронологической последовательности исследованы революционные события на севере провинции в 1944–1949 годов, мусульманское национальное движение и деятельность Восточно-туркестанского национального правительства. Данное исследование в ракурсе синьцзянских событий представляет читателям советско-китайские отношения 1930–40-х годов прошлого столетия под новым углом зрения. В книге впервые в научный оборот введены документы советских политических и дипломатических органов, а также органов безопасности, связанные с политикой СССР в отношении Синьцзяна и хранящиеся в различных архивах Российской Федерации, в фондах Национального управления архивов и документации США. Книга предназначена для специалистов в области международных отношений, историков, студентов гуманитарных вузов, всех интересующихся неизвестными подробностями недавней истории.²⁴

Автор в своей книге делает попытку объяснять почему у «разных» народов, оказавшихся на территории Казахстана в разное время, в одних обстоятельствах люди видели в индивидах, непохожих на себя, «чужих» или даже врагов, тогда как в другое время считали их просто «другими», но не враждебными, закладывая таким образом основы последующих дружественных отношений. В данной работе исследователь рассматривает межэтнические отношения во всей сложности вплетения этнически-специфических мотивов человеческой деятельности в повседневную жизнь. В этом смысле для автора интересны не только и не столько отличающиеся у разных народов формы одежды и бытовой утвари, сколько распространенные у них особенности коллективного мышления и поведения (в особенности по отношению к «другим»). В этом случае он предлагает рассматривать исторические сюжеты не только в познавательном, но и в прикладном аспекте, показывая влияние на поведенческие стратегии людей, живущих сегодня в Казахстане, установок и стереотипов, рожденных в предшествующие эпохи.

В монографии с целью решения поставленных задач исследователь рассматривает такие сюжеты как формирование населения Казахстана в период XIX – начала XX в.; особенности идентификации народов,

²⁴ Hasanli Jamil. Soviet Policy in Xinjiang. Stalin and the National Movement in Eastern Turkistan. – New York, London: Lexington Books 2020. – 294 p.

населявших территорию Казахстана в досоветский период; трансформация традиционных форм идентичности и характер межэтнических отношений в досоветский период. Отдельно автор обращается к советской эпохе, где для него важными являются советская культурно-языковая и образовательная политика; специфика межэтнических отношений в советском Казахстане. И наконец, в последнем разделе ученый изучает особенности политической идеологии и практики после обретения Казахстаном статуса суверенного государства; а также формирование модели урегулирования межэтнических отношений и основные тенденции их развития в суверенном Казахстане.²⁵

Последней новинкой в современной западной казахстанике стала книга Питера Рольберга (замдекана Школы Элиота) «Кино Советского Казахстана в 1925-1991 гг.». Нам уже приходилось писать в связи с выходом книги французской исследовательницы, известной специалистки по российскому и советскому кино Габриэль Шоментовски - «Снимая Восток: политика и национальности в советском кинематографе 1917-1938 гг.» посвященной истории зарождения и развития кино в молодых советских республиках Средней Азии в довоенную эпоху.²⁶

Данная монография посвящена истории развития кинематографа уже в одной конкретной республике – КазССР и на протяжении всего периода советской истории. Автор отмечает, что казахстанский кинематограф был частью грандиозного советского проекта по конструированию национальных культур. В западной советологии всегда доминировал стереотип, что социалистический режим вызвал катастрофические потери национальными республиками культурного наследия, традиций, разнообразия и творчества. Но к Казахстану это относилось в наименьшей степени. Это было связано в немалой степени с высоким уровнем московских кинематографистов, фактически заложивших профессиональную школу в годы войны на «Казахфильме» в Алма-Ате, и повлиявших на становление местных кадров. В этой связи исследователь останавливается на роли таких деятелей казахстанского кино как Ш.Айманов, А.Карсакбаев, С.Ходжиков, М.Бегалин, перенимавших все лучшее от своих старших коллег из центра.

В книге отражаются также противоречия между казахстанским кино и советской идеологической системой. Значение перечисленных выше казахских руководителей и режиссеров состояло в том, что они сумели вложить в рамки социалистического кино элементы казахской истории, быта и традиций, а также особенности национального характера. П.Рольберг относит истинную дату возникновения национально ориентированного казахстанского кино к середине 1950-х гг. В качестве суперхита

²⁵ [Савин И.С. Взгляд на историю межэтнических отношений в Казахстане.](#) Отв.ред. [Кадырбаев А.Ш. Издатель Воробьев А.В.](#) – Москва: ИВ РАН, 2019. – 163 стр.

²⁶ Chomentowski G. *Filmer d'Orient: Politique des Nationalités et cinema en URSS (1917-1938).* – Paris: Editions PETRA, 2016. - 250 +16 pp.

республиканского кинематографа, обеспечившего всесоюзную аудиторию, исследователь называет фильм Ш.Айманова «Конец атамана». Но, по его мнению, расцвет длился недолго, и примерно в середине 1970-х годов проявились кризисные тенденции.

Это был многоплановый процесс, вызванный эрозией советской идеологии, приходом нового поколения, видевшего в шедеврах 1950-1960-х годов архаику, и влиянием на советскую аудиторию иностранного – преимущественно западного – кино. Но в конце 1980-х гг. появляется феномен «новой волны» в казахстанском кинематографе. Ее международная популярность обеспечила защиту от давления центральных властей, которые на протяжении всей истории боролись с проявления национальных особенностей в казахстанском кино. Но творцы «новой волны» рассматривались ветеранами республиканского кинематографа и представителями старшего поколения национальной интеллигенции как «ненастоящие казахи». Но центральное руководство видело в этом феномене, который был отнюдь не только казахстанским явлением, не националистическую угрозу, а идеологическую.

В качестве блокбастеров общесоветского масштаба автор называет такие ленты как «Кровь и пот» (1979 г. по эпическому роману А.Нурпеисова) и совместный проект «Мосфильма» и «Казахфильма» - четырехсерийный фильм «Вкус хлеба» (1980 г.), в котором в качестве персонажа под другим именем фигурирует Л.И.Брежнев. Этот фактор обеспечил ленте самый широкий союзный прокат. Со временем фильм приобрел, несмотря на свои несомненные художественные качества, ярлык идеологической продукции. В целом, заключает автор, казахстанский кинематограф достоин своей нелегкой судьбы, сохранив свои национальные черты и создав блестящие и достойные фильмы.²⁷

Под редакцией И.Рико (Университет Линкольна, Великобритания) и Эрики Марат (Национальный оборонный университет США) увидело свет крупное справочно-информационное издание «Справочник издательства Раутледж по современной Центральной Азии». Такие справочники выходят в данном издательстве на регулярной основе по самым различным вопросам. Издание состоит из семи частей (30 глав), призванных дать аудитории максимальное количество информации и наиболее полное представление о регионе. С композиционной точки зрения последовательно освещаются: 1 часть – история региона (царская и советская эпохи, коллективизация и голод, послевоенная эпоха); 2 – политика (разновидности авторитарных моделей; клановые системы, строительство национальных государств, противоречия в Ферганской долине); 3 – география (границы, идентичность, водная проблема); 4 – ЦА в системе международных отношений (отношения

²⁷ Rollberg Peter. The Cinema of Soviet Kazakhstan 1925 – 1991: An Uneasy Legacy. - New York, London: Lexington Books, 2021. – XVI+466 pp.

с КНР, США в ЦА, внутренние ресурсы для проведения внешней политики, военные потенциалы, глобализм и миграция); 5 – политическая экономика региона (экономические реформы, углеводороды в Каспийском регионе, коррупция, модернизация); 6 – культура и общество (национализм и традиции, гендерные вопросы, современное искусство, языковая политика); 7 – религиозное лицо региона (возрождение ислама, секуляризация, либерализм и ислам, тенгрианство).²⁸

Статья подготовлена в рамках программы института востоковедения Министерства образования РК «Внешняя политика Казахстана в контексте развития сотрудничества и формирования региональной системы безопасности в странах Востока»

Laumulin M.T., Chief Researcher of the Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President, Dr., Prof., Higher School of Social and Humanitarian Sciences of the Astana International University.

Abstract: The article considers the issues of formation and development of : Golden Horde, history of Central Asia and Inner Eurasia, pre-Mongolian history in the framework of Scythians, Huns, Western Turks, Qarakhanids, ancient Uyghurs, Seljuks. The surviving monuments of the Qarakhanids – an important yet little-known medieval dynasty that ruled much of Central Asia between the late 10th and early 13th centuries. Some subjects are dedicated to the history of the Silk Road and connecting issues – pearls trade, distribution of agrarian sorts. It is comprehensive overview of the pre-modern economic history of Central Asia and the Silk Road, covering several millennia. On finding several pearls, Chinggis Qan (Genghis Khan) ordered that they cut open every slain person on the battlefield. Pearls, valued for aesthetic, economic, religious, and political reasons, were the ultimate luxury good of the Middle Ages, and the Chingissid imperium. Women contribute to the rise of the Mongol Empire while Mongol men were conquering Eurasia. The Mongol queens of the thirteenth century ruled the largest empire the world has ever known.

Chinggis Khan and his heirs established the largest contiguous empire in the history of the world, extending from Korea to Hungary and from Iraq, Tibet, and Burma to Siberia. Ruling over roughly two thirds of the Old World, the Mongol Empire enabled people, ideas, and objects to traverse immense geographical and cultural boundaries.

At war with the Mongols, the Mamluk sultanate took advantage of their divisions. Sultan Baybars managed to create an alliance with the Golden Horde, one of the most powerful branches of the Mongol empire, which was on the path of islamization and seeking for independence. For three hundred years, the Golden Horde was no less a force in global development than Rome had been. It left behind a profound legacy in Europe, Russia, Central Asia, and the Middle East, palpable to this day. As the empire expanded, the Mongols were alternately seen as liberators, destroyers, and harbingers of apocalyptic doom. At the same time, they ushered in an era of religious tolerance and cross-cultural transmission.

The desert oases of Central Asia gave rise to the legendary Silk Road cities of Bukhara, Khiva, Loulan, and Samarkand; many of these cities moved with the sands. Recent

²⁸ Isaacs Rico, Marat Erica (eds). The Routledge Handbook of Contemporary Central Asia. – London: Routledge, 2021. – 496 p.

archaeobotanical and genetic data illustrate that much of the genetic material for our modern apple and walnut comes from this region – Central Asia.

Also, the article views several episodes of modern and recent history of XXth Century. Bukharans suffered failed harvests and famine, a severe fiscal downturn, invasions from the north and the south, rebellion, and then revolution. The history of Kazakh filmmaking from its conception as a Soviet cultural construction project to its peak as fully-fledged national cinema to its eventual re-imagining as an art-house phenomenon.

Key words: Golden Horde, Silk Road, Mongol studies, Turkestan, Buchara, Kazakhstan, Central Asia, Oriental Studies, Turcology, cumanic studies.